

Андрей Игоревич Егоров Диксон

По моей просьбе вертолет сделал круг над островом. Его очертания наводили на мысли о левиафане, обитателе северных морей. Чудовище подплыло к острову с востока и отхватило огромный кусок суши. След челюстей – бухту Диксона – сковал лед, скрытый глубоким снегом. Севернее на побережье можно было различить заброшенный поселок. От крохотных коробочек-домов тянулась темная полоса асфальтовой дороги – упиралась в аэропорт. Я опознал аэропорт по взлетно-посадочной полосе, к ней примыкал одинокий рукав для разворота самолетов. Местами снег стоял, бетон покрывали бурые пятна – местная растительность медленно, но верно, отвоевывала остров у человека.

– Раньше здесь ледоколы ходили, – поведал пилот. – Пройдут вдоль берега, лед пообломают, а когда стянется, тут и там куски торчат, будто зубы. На вездеходе напрямки не проедешь в порт. Теперь-то здесь редко кто бывает. И вездеходы не ходят.

– А как же они обходятся?

– На станции-то? Рыбалкой живут, охотой. Оленину жрут. Медведя однажды завалили. Я им раз в месяц консервы из Норильска доставляю. Им эти консервы, конечно, недешево обходятся. Но все равно берут. Куда деваться...

– А топливо?

– Да у них там целый склад газовый, если нашим верить. Сколько раз просил, ну, продайте хоть пару баллонов пропана. Мне ж летать к вам не на чем. Ни в какую. И главное, сидят, как привязанные. Не хотят на материк перебираться, и все тут. Можно спросу? Вы к ним с какой целью? Хотите станцию закрыть?

– Да, – коротко ответил я.

Задание группы по поиску нефтяных месторождений в окрестностях Карского моря давно закончилось, но по непонятной причине геологи отказались возвращаться, осели в устье Енисея. Их прибытия в Москву ожидали еще осенью, зимой решили – случилась беда. Но из Норильска прибыл ответ – все в порядке, геологи на острове Диксон, живут на старой гидрографической базе, контактируют по рации, просят их не искать и обратно не собираются. На институтском совете решили повременить до весны, переждать полярную ночь – чудовищный холод и отсутствие солнца, и если геологи к весне не образумятся, отправить к ним человека – узнать, что, собственно, происходит. Жена одного из членов группы устроила настоящую истерику в кабинете ректора – рыдала и требовала немедленно вернуть ей мужа. Как будто Институт его похитил.

Ни у кого даже сомнений не возникало, кто полетит. Если происходило что-то экстраординарное, всегда обращались ко мне. Я никого не подсиживал, по карьерной лестнице не лез, в науке достиг существенных успехов – в общем, пользовался у коллег авторитетом. Меня, правда, мало заботила основная проблема современной науки – синтез нефти и поиск новых месторождений, в сферу моих интересов входила исключительно слоистая минералогия. Но в институте меня ценили за безотказность и эрудицию.

– Давай, родной, – напутствовал меня ректор, – скажи ты этим оболдуям, что зла я на них не держу. Ну, что они, в самом деле, как маленькие?.. Не понимаю, – он потерял козлиную бородку, что выдавало крайнюю степень волнения. – Впервые, знаешь ли, сталкиваюсь с такой странной ситуацией.

– Да, ситуация странная, – согласился я. – Вы не волнуйтесь, Фрол Евгеньевич, я разберусь.

Вертолет завис над посадочной полосой и стал снижаться.

– А разве вы не высадите меня у поселка? – удивился я.

– Стреляют.

– Не понял.

– Запретили мне там высаживаться. Я здесь все оставляю. Продукты. Вещи. В общем, все, что им нужно. В здании аэропорта.

– А как же вы общаетесь?

– По радиии, – пилот ткнул в приборную панель, – и через записочки. – Он рассмеялся: – Геологи ваши московские совсем того.

– Так что же, вы их давно не видели?

– По правде говоря, никогда не видел. Да и чего мне на них смотреть?.. Не бабы голые. Платят они исправно, это главное.

Значит, придется отмахать километров десять на своих двоих, понял я. Ничего, не замерзну. Куртка теплая. В рюкзаке имеется портативная газовая горелка. Немного горючей ткани. Хватит, чтобы развести костер и согреться. Вот только белые медведи – звери под тонну весом, непуганые, бродят по окрестностям в поисках пропитания. В их желудок может поместиться целая нерпа. Не дай бог встретиться посреди заснеженной пустоши с голодным хищником. И карабин не поможет. Я прихватил с собой из Норильска СКС – Самозарядный Карабин Симонова, излюбленное оружие местных промысловиков. Для охоты на оленей СКС подходит, а вот медведя им вряд ли остановишь, даже если всадить в него две обоймы – по десять патронов в каждой.

– Может, подлетим поближе, – предложил я угрюмо, предчувствуя ответ.

Пилот мои ожидания вполне оправдал.

– Даже не знаю, – замешкался он, – там же снег везде. Я бы мог, конечно, сесть на дороге, поближе к поселку... Но это сложно. Да и пропана у меня только на обратную дорогу. Сами знаете, как вертушки газ жрут.

Ни слова не говоря, я полез в рюкзак и протянул пилоту несколько купюр – потом представлю смету родному Институту.

– Скажем, за километр от поселка я смогу сесть, – сразу проявил он понимание. – А то дюже ваши геологи лютые. Один наш раз вздумал возле самой станции приземлиться, потом дырку в лобовом стекле всем демонстрировал. Они у вас во, – пилот покрутил пальцем у виска. Потянул штурвал на себя, поднимая машину выше. – Хотите честно? У нас на авиабазе все уверены, что на Диксоне – все психи. Никто к ним летать не хочет. Только я. Просто мне деньги очень нужны. Трое детей. Все парни. Жрут, как рота солдат.

Пока мы летели, пилот тараторил без умолку, а я размышлял о сложившейся ситуации. При ближайшем рассмотрении все выглядело еще более странным, чем из Москвы. Почему геологическая группа осела на почти заброшенной гидрографической станции? Зачем они полностью исключили контакты с внешним миром? И чем они, черт побери, здесь занимаются? Я попытался представить, в каких обстоятельствах я поступил бы так же. И пришел к выводу, что только в одном случае – если бы речь шла о крупном научном открытии. Быть может, они нашли что-то такое, что позволит России преодолеть топливно-энергетический кризис и вырваться в мировые лидеры?..

Мы приземлились посреди ледяной пустоши.

В небе змеилось, вспыхивало, завораживало диковинными красками северное сияние. Ветер налетал порывами. По выщербленному временем асфальту стелилась пороша.

– Обратно когда? – спросил пилот.

– Послезавтра, скорее всего.

– Можно по радиии будет связаться заранее – и назначить точное время.

– Хорошо, так и поступим...

– Удачи, – пожелал пилот и захлопнул дверцу.

Лопаста вертолета закрутились, тяжелая машина поднялась в воздух и полетела к бухте. А я, не теряя времени, направился в сторону поселка.

Погода, несмотря на начало апреля, стояла холодная. Лицо сразу замерзло. Дышать стало холодно. Я шел, прикрывая пуховой перчаткой рот и нос.

Одиннадцать часов утра, а сумрак и не думал рассеиваться. Благодаря северному сиянию было светло.

Я прошел метров триста, когда шестое чувство, – всегда ему доверял, – подсказало мне – обернись... За мной по старой дороге, опустив голову к земле, почти крался массивный хищник. Страх ударил поддых, заколотился в груди бубном шамана. Повинуясь одному только инстинкту самосохранения, но не разуму, я побежал. Назад не оглядывался – если зверь решит атаковать, взгляд глаза в глаза его не остановит.

Впереди замаячили очертания небольшого домика у дороги. Почему-то он стоял на отшибе, за поселковой чертой. Нужно быть настоящим чудиком и очень не любить людей, чтобы даже в условиях крайнего севере поселиться вдали от всех. Неужели его не напрягала необходимость топать почти километр до ближайшего магазина?..

Припорошенная снегом, вся в следах медвежьих лап, выбитая дверь лежала в проеме.

Я метнулся в дом. Достал из рюкзака фонарь. Луч скользнул по потолку, осветил пустой крюк для люстры, темные разводы. Внутри дом напоминал ледяной склеп. Северный холод забрался в некогда уютное жилище, покрыл изморозью стены, остатки мебели – сломанный стул, широкий письменный стол, платяной шкаф. И хотя на острове уже была весна, оттаивать пока дом не собирался. Я поднял и кое-как приладил на место дверь, придвинул стол, чтобы ее невозможно было снова повалить, сдернул с плеча карабин...

Хищник бродил вокруг, я слышал громкое сопение возле разбитого окна. Потыкался в треснувшее стекло шершавым носом, царапнул дверь, попытался сунуть морду в щель, – я держал стол изо всех сил, – и побрел прочь.

Мне повезло. Бурый медведь того же семейства учуял бы человека за версту. У белых обоняние развито много хуже. Да и, судя по его поведению, он недавно пообедал. С голодухи эти полярные хищники способны даже убить и сожрать более слабого собрата по классу.

Я решил выждать, пока медведь уберется подальше. Поприседал, помахал руками, изображая бой с тенью, – разгонял кровь по венам. Стало немного теплее. Пошарил лучом фонаря по комнате. Выдвинул ящик стола – и обнаружил тетрадь в дерматиновом переплете и огарок свечи, словно специально оставленный здесь для меня. Подпалил свечу от газовой горелки. Полистал тетрадь. Хрустящие замороженные страницы еще хранили синие чернила. На последней было всего несколько записей:

«Все плохо: закрыли школу, Анна Степановна уехала, меня больше некому учить. Теперь магазин на очереди. Не жизнь, сплошная борьба за выживание, может, поэтому и настроение не очень. Ничего, прорвемся, не впервой. Зато целых два дня было лето (суббота и воскресенье) и рыбалка! Рядом шнырял медведь, и мы побоялись далеко уйти. Зато наелись рыбы во всех видах».

Под записью стояла дата – август две тысячи пятидесятого года.

«Полярные станции, слава Богу, все пока работают. Штормами изрядно подмыло дома – обрушился склад, хорошо, что успели все вытащить. Но ребята порядком испугались. Ходили смотреть на метеорит. Говорят, такое случается раз в сто лет. И это к счастью. Отколол и себе кусочек, пусть и у меня будет немного счастья».

«Ну, вот, закрылся Сбербанк. Теперь, чтобы получить зарплату, родителям нужно ждать почты из Норильска. Хорошо, что у нас есть предприниматель. Настоящий. В прошлом году приехал с материка. Открыл новый магазин – промтовары, продукты, одежда. Торгует дорого. Но обещает, что здесь надолго. В общем, с голоду не помрем, и то ладно. Хотя света нет. Пишу со свечкой».

Октябрь две тысячи пятидесятого. Последняя запись. Что случилось с владельцем дневника, и почему он не забрал его с собой, оставалось загадкой.

Я положил тетрадь в ящик. Тронул рукой поверхность стола. И заметил нечто странное. На перчатке остались отчетливые темные пятна. Я поднес руку к лицу. Стащил перчатку и осмотрел. Принюхался.

У нефти очень специфический запах. Редкий современный человек когда-либо обонял нефть. Но в нашем институте, в лаборатории синтеза, хватало образцов. Я погрузил в маслянистое пятно ладонь. То, что жидкость не замерзла, указывала на низкое содержание

парафина. И этот характерный едкий запах. Я бы мог поклясться, это – настоящая нефть.

У меня даже холодок по спине пробежал после того, как я сделал это открытие.

Я взял свечу, приблизил к поверхности стола. Нефть воспламенилась в одно мгновение, вспышка – и все объято огнем. Она горела синеватым пламенем. Я стоял, будучи не в силах оторвать взгляд от этого упоительного зрелища и думал, что давно не видел ничего прекраснее...

Так вот что произошло. Геологи нашли на Диксоне нефть. Возможно, много нефти. Месторождение во много миллионов или даже миллиардов тонн. И осели здесь – на залежах драгоценной жидкости. Почему? Ответ очевиден. Они не хотят отдавать нефть родному государству. Замалчивают находку и ищут покупателя, чтобы продать месторождение. Кому? Любая страна будет рада выложить за новое месторождение целое состояние. Китай, Соединенные Штаты, быть может, Индия или Бразилия. Выходит, мы имеем дело с уголовным преступлением. Значит, мне здесь нечего делать. Геологами должны заняться соответствующие органы – в первую очередь, госбезопасность. Теперь важно добраться до рации и вызвать вертолет. Только вот дадут ли мне преступники?

Я понял, что другого пути у меня нет. Тронул затвор карабина. Разыграю из себя наивного малого, который прибыл по заданию Института и ничего не подозревает. Главное сейчас – вернуться на материк...

Дом я покидал осторожно, отодвинул стол, отставил дверь. Медвежьи следы вели вдоль дороги к поселку. Зверь двигался тем же маршрутом, что и я.

По счастью, через сто метров хищник повернул на юг. Я же направился прямо по асфальтовой полосе. И через некоторое время вошел в поселок...

На одноэтажном деревянном доме висела покосившаяся табличка: «ул. Водопьянова». Центральная улица Диксона. С крыши свисали длинные сосульки, написанием о недавней оттепели. К сожалению, я ее не застал. Металлический столб оборванной линии электропередач лежал посреди улицы. От него тянулись бесполезные провода, заползали на детскую горку. Напротив двухэтажное каменное здание встречало гостей поселка почти небесной, праздничной, но изрядно облупившейся глазурью – «Детский сад».. Полуразрушенная пятиэтажка поодаль, с пустыми глазницами окон, наводила на грустные мысли о том, что ничто в этом мире не вечно.

Здесь я достал из рюкзака план поселка, сверился с ним и повернул налево. Гидрографическая станция находилась на самом берегу залива.

Я прошел мимо здания поселкового клуба, на фасаде которого сохранился выцветший советский герб. И вышел на берег у старого причала, занесенного снегом. Здесь стоял, пришвартованный навеки, ржавый лоцбот «Нарзой». Вдалеке можно было увидеть морской порт – затонувшую баржу, лежащую на боку, брошенный старый ледакол, каланчи подъемных кранов. Они грозили в любой момент рухнуть, но у местных властей не было денег на демонтаж. В наше время, когда нефть иссякла, ни у кого в России ни на что нет денег.

Гидрографическая база представляла собой двухэтажное здание с небольшой хозяйственной пристройкой. В двадцатых годах станция перебралась в новый корпус, но оказалось, что его выстроили из рук вон плохо – через пару лет часть постройки обрушилась. Никакого землетрясения на Диксоне, разумеется, не было – просто отдельные чиновники на местах сэкономили и неплохо нажились на строительстве. Некоторое время гидрографы ютились во временках. Затем было принято решение переехать назад – в реконструированное старое здание. Все это мне поведал разговорчивый пилот, пока мы летели от Норильска. Мне повезло – в Институте на плане поселка отметили крестиком давно погибшую базу...

Я обернулся еще раз на мертвый поселок и толкнул дверь станции. В замерзшее лицо пахло теплом и запахом свежей рыбы.

В углу холла с занесенным над головой поварским топориком стоял бородастый человек. Перед ним на табурете лежал мороженный омуль. Секач рухнул вниз и одним ударом

отсек безучастную ко всему на свете, мертвую рыбью голову. Тут бородач заметил меня, и лицо у него заметно вытянулось – мое появление стало для геолога неожиданностью.

– Я из института... Курганов Виталий. – Хотелось сразу расставить все точки над «ё». – Вы не выходите на связь с Москвой...

– Шатров... Антон, – геолог быстро пришел в себя, обогнул широкий стол, двигался медленно, словно сомневался, переложил топорик в левую руку и протянул правую для рукопожатия. – А я думал, про нас все забыли...

Я заколебался – не хотелось пожимать заляпанную рыбой, нечистую ладонь, но и общение с недопонимания начинать не хотелось. Я стянул перчатку, пожал руку добровольного затворника. Несмотря на густую бороду, я его узнал. Встречались пару раз на научных конференциях. Внешность у Шатрова была непримечательная: бесцветные волосы, водянистые глаза, средний рост. Правда, он был коренаст и широк в плечах, а крепкие ладони выдавали в нем любителя работать руками. Я бы, пожалуй, не вспомнил его, если бы не доклад – тогда он сказал со сцены несколько слов о минералогии нефтяных слоев. Назвал преступлением то, что отдельные ученые в столь сложное для страны время умудряются «заниматься камешками» – вместо того, чтобы посвятить свой ум и время более важным вопросам.

Я стянул вторую перчатку, снял куртку.

– У вас рука испачкана, – заметил Шатров уныло.

Я и забыл, что опускал ладонь в нефтяную лужу. Надо же, так по-идиотски вляпаться.

– Это краска, – соврал я. – Вертолет только что покрасили.

Вышло глупо.

– Понятно, – пробормотал геолог таким убитым голосом, словно я только что сообщил ему самые дурные вести в его жизни. – У нас там растворитель есть в умывальнике. Если хотите...

– Да, конечно. А у вас тепло.

– Газовый генератор в подвале. У нас тут все, что нужно, для жизни. Вы надолго? – прозвучало негостеприимно – в отношении человека, который только что прилетел. Совсем как в анекдоте про тещу: «Вы что же, мама, даже чаю не попьете?»

– Я на пару дней. Если покажете, где можно остановиться, я бы был вам признателен. Мне бы бросить вещи, отогреться немного.

– Разумеется. – Мое присутствие явно тяготило Шатрова, как и моя ложь. – Пойдемте, я провожу. Пока будете устраиваться, строганину доделаю...

– Мне говорили, в группе вас было двое, – сказал я, вернувшись на импровизированный «камбуз». Так я окрестил кухню и по совместительству холл старого здания. Станция напоминала ледакол, плывущий по северным морям в неизвестном направлении.

– Да, Сермягин... – геолог говорил с явной неохотой, как преступник на допросе, – спит. В своей комнате. Заперся и спит. Недавно лег. Пришел с рыбалки, пока я тут... с приборами налаживался. Теперь часов шесть-семь проспит не меньше...

– А что гидрографы?

– Гидрограф, – поправил Шатров. – Он здесь один оставался... когда мы прибыли. Семен Орловский. Вообще-то, мы его Семен Васильевич звали. Старику уже под семьдесят.

– Что значит «звали». Он умер?

– Да нет, живой. – Он вдруг улыбнулся. – А знаете, я даже рад, что вы приехали. Может, на ты? По-мужски. По-северному.

– Давай, – согласился я. Мне стало легче оттого, что диалог налаживался. Ну, если по-мужски, по-северному, следовало разузнать у Шатрова все в подробностях, расспросить его, как он дошел до жизни такой, почему ничего не сообщил в Институт о новом за несколько десятков лет месторождении? Что у него, вообще, в голове творится, раз нормальный мужик, ученый, пошел на измену Родине? И ради чего, спрашивается? Ради денег?..

Я и расспросил. Начал разговор издали и привел к нужной точке – прямиком к нефти. Мне хотелось, чтобы Шатров солгал, глядя мне прямо в глаза. Пусть скажет, что нет на Диксоне полезных ископаемых, и никогда не было...

– Всюду нефть, нефть, нефть. Только и слышишь о ее синтезе, – он вдруг сделался очень раздраженным. – А мне надоело. Понимаешь, Виталий, все надоело. Что там хорошего, на большой земле? Что я забыл на материке?

Я пожал плечами. Убеждать кого-то, что жить среди людей лучше, чем в заснеженной пустыне – занятие бесперспективное. Каждому свое. Для одного сторожка в лесу – рай земной. А другому подавай шумный город.

– А жена... – напомнил я.

– А что жена?! – буркнул геолог.

– Дети есть?

– Двое. Им без меня только лучше будет. Чему я их научу? Что скажу? Что мы все с тобой просрали? Ученые... Меня же никто не слушал, когда я на каждом ученом совете говорил – надо перестраивать производство, надо менять индустрию, опоздаем, к такой-то матери. Но нет, как качали нефть, так и продолжали качать, строили новые нефтеперегонные заводы, топливные склады. И все предприятия наши российские, главное, под нефтянку были заточены. И вот ее не стало. И где мы теперь? В глубокой жопе. Заводы стоят. Производства нет. Китайцы заселяют Дальний восток. Да что там говорить, уже заселили. И что мы можем с этим сделать? У нас же все танки и самолеты на горючем топливе. С десятков газовых броневых машин выпустили в две тысячи пятнадцатом, и где они все теперь? Пустое все, говорить тошно, – Шатров махнул рукой. – Может, лучше хлопнем по рюмашке, за встречу, а?.. А то здесь и выпить не с кем... – Он осекся.

– А что Сермягин, не пьет?

– Не пьет, – почему-то обрадовался геолог. – Совсем не пьет.

– Тогда ладно, – согласился я, рассудив, что под водку разговор пойдет еще более доверительный. – Наливай. Только я все равно попробую тебя уговорить вернуться.

– Да уговаривай сколько влезет. – В бороде геолога шевельнулась лукавая улыбка. Он полез в стенной шкаф, извлек пузатую бутылку самогона и водрузил на стол. – Вот.

– Откуда такое богатство?

– Вертушка привозит, вместе с консервами. Пилот, мать его за ногу, дерет втридорога. Но без самогона на базе совсем тоска. И потом, пройдешься по морозцу, сам бог велел немного выпить – для согрева не только души, но и тела...

– Вы нефть-то, вообще, здесь искали? – спросил я, когда было съедено по банке тушенки, и третья доза самогона разлита по стаканам.

– А как же... – удивился Шатров. – Все как полагается. Оборудовали лабораторию – взяли пробы воды, грунта. Даже подорвали кое-что... Нет здесь нефти, нет, и никогда не было. Собственно, кто бы сомневался. Нефти, вообще, нигде больше в мире нет. И глупо ее искать.

– Значит, нет, – я побарабанил пальцами по крышке стола, выпил залпом пахучий напиток и отодвинул стакан, – пожалуй, хватит... Значит так, Антон, мне надо знать, что здесь происходит. И если вы не собираетесь возвращаться, ты должен, по крайней мере, доложить, как обстоит дело. А я в свою очередь все, что ты мне расскажешь, перескажу в Институте.

– Если бы ты только знал... как обстоит дело, – пробормотал он. От самогона геолог сразу захмелел. Меня такой дозой было не взять.

– Я хочу поговорить с Сермягиным, – твердо сказал я.

Шатров изменился в лице.

– Вот, значит, как... А мне ты уже не доверяешь?..

– На меня возложены Институтом определенные обязательства. А я человек ответственный, сказал, что сделаю, значит должен сделать.

– Хорошо, – геолог поднялся одним рывком. Его «хорошо» прозвучало, как угроза. – Идем...

Через пару минут он стучал в дверь одной из комнат второго этажа.

– Леша, ты как?

– Чего тебе? – не приветливо отозвался Сермягин.

– Извини, что разбудил. Тут такое дело. Из Института приехал человек.

– Как?..

– Я говорю, человек из Института приехал, потеряли нас совсем. Вот его и прислали.

Последовала долгая пауза. Сермягин переваривал свежую информацию.

– Уходите, – крикнул он, наконец, – я болен.

– Болен? – удивился я, обернулся к Шатрову за разъяснениями. Тот пожал плечами. – У вас больные ходят на ночную рыбалку?..

– Да ладно тебе... Про рыбалку – это я так, сболтнул. Заболел он, правда. А на рыбалку я сам ходил.

– Значит, сболтнул, понятно... Бывает. А что Орловский, тоже болен?

– Угадал. Но ему намного хуже. Он даже не разговаривает. – Мне почудились в тоне Шатрова издевательские нотки.

– То есть на станции только ты здоров?

– Ну, да. Пока здоров, как видишь.

– А чем они больны? Может быть, им нужны какие-нибудь лекарства с материка?

– Нет, – быстро ответил Шатров, – ничего им не нужно, никакие лекарства им не помогут.

Я нахмурился. И заявил:

– Хочу увидеть гидрографа. Немедленно.

Геолог замялся.

– Тебе не понравится то, что ты увидишь.

– И все же...

– А ты упертый. Ну, хорошо, идем, – он поманил меня за собой. И мы направились к лестнице. – Я поместил его в герметичный бокс, – рассказывал Шатров. – Иначе поступить было нельзя.

– Думаешь, он заразный?

– Теперь это уже не важно.

Загадки мне порядком надоели, но прежде чем что-либо предпринять я решил дождаться встречи с гидрографом Орловским.

– Здесь он, – сказал Шатров, когда мы спустились на первый этаж и остановились у двери с выведенной на ней черной краской надписью «Бокс». – Не передумал?

– Нет.

– Валяй, – разрешил геолог и толкнул дверь.

В нос мнешибанул едкий запах с характерным букетом. Я и опомниться не успел, как понял что стою едва ли не по колено в буровой жиже. Она выплескивалась через порог, как вода из переполненной ванной.

– Боже мой, – пробормотал я.

На койке, весь залитый нефтью, похожий на смоляное чучелко из сказки, лежал неестественно тощий человек. Его грудина то и дело спазматически вздрагивала, а изо рта вырывался хрип. Если бы не лихорадочное дыхание, я решил бы, что Орловский мертв. Какой маньяк с ним сотворил такое?!

Я попятился от Шатрова, захотелось бежать сломя голову. Но куда?!

– Не надо меня бояться, – сказал он мягко. – Я тут ни при чем...

– Тогда кто? Кто это сделал с ним?!

– Вряд ли ты поймешь.

– Что я должен понимать?! – выкрикнул я, пребывая на грани.

– Иди сюда, – геолог надвинулся на меня, но я отпрыгнул назад. – Да иди же, – ему

удалось схватить меня за рукав и почти насильно оттащить от комнаты. Он резко захлопнул дверь с надписью «Бокс». – Значит так, – перешел на командный тон Шатров. – Я дам тебе ватные брюки и краги, наденешь их.

– Зачем?

– Зачем? Ты же хочешь получить ответы на все вопросы. Для этого тебе нужно увидеть... Тем более что теперь ты тоже к этому причастен.

– Увидеть – что?

– Так сразу не объяснишь, – ответил он уклончиво. – Это надо видеть.

– Хорошо, только возьму с собой кое-что.

Шатров помялся.

– Черт с тобой, бери. Я пойду с тобой...

Я порылся в рюкзаке, сунул за пояс охотничий нож, на плечо повесил карабин. Шатров смотрел на мои приготовления, не скрывая скепсиса. Поинтересовался:

– С медведями собираешься воевать? Напрасно. Они мою станцию по дуге обходят. Боятся человека.

Я отметил местоимение «мою» и сказал:

– Мне один встретился, там, на дороге...

– Здоровый такой? Под тонну весом? Это Вовка. Мирный зверь. Я его рыбой подкармливаю. Он на людей не нападает.

– Белые медведи не приручаются, – возразил я. – Даже если выросли рядом с человеком.

– Это ты кому-нибудь другому расскажи, – обиделся Шатров. – Другие, может, и не приручаются. А этот очень даже приручился. Я все боюсь, он в ловушку мою попадет. Поэтому и ставлю ее только тогда, когда чужого зверя в поселок приносит.

– Пилот говорил, вы как-то одного медведя подстрелили?

Шатров хмыкнул.

– Одного? Бери выше. Их подстрелишь, пожалуй. Тут слоновий калибр требуется. Я действую по старинке, уже десятка три медведей взял.

– Как же ты их берешь? – воспользовался я его охотничьей терминологией.

– А на китовый ус. Режешь острую полоску уса, сворачиваешь в спираль, жирком заливаешь – и в лунку. Медведь наживку заглотит, жир у него в желудке начинает таять, ус распрямляется и рвет ему внутренности. Остается только тушу найти по следам, и разделать.

– Но это же варварство, – возмутился я.

– Варварство?! – рассердился геолог. – А кто их поголовье регулирует в России? Расплодился так, что человеку места нет. Я сначала по поселку спокойно пройти боялся. Казалось, из-за каждого угла зверюга выскочит. А теперь вот хожу спокойно, как настоящий хозяин здешних мест. У медведей только печень есть нельзя – можно отравиться, а мясо вполне съедобное. Жир, опять же. Если им намазаться, совсем не холодно. Рыбачить ночью хорошо.

– Далеко идти? – поинтересовался я.

– Да нет, тут километр, не больше.

– Тогда иди впереди, показывай дорогу. – И про себя добавил с ненавистью: – «Хозяин». – Меня разозлил вовсе не хозяйский подход Шатрова к здешним местам, а собственный страх. Я боялся этого коренастого бородатого человека, скрывавшего какую-то страшную тайну. Ему придется придумать по-настоящему хорошее объяснение случившемуся после того, что я увидел в «Боксе».

Он мое настроение почувствовал – посмотрел на меня исподлобья, нехорошо посмотрел. Я сделал вид, что не заметил этого взгляда. Все равно ни за что не пойду впереди. Не хватало еще оставлять за спиной непредсказуемого типа, помешавшегося на нефти.

Шатров пожал плечами – впереди, так впереди.

Мы вышли из здания станции и двинулись на юг. Ветер стих и метель улеглась. Вокруг

царило безмолвие и тишина, какая бывает только на крайнем севере. Сияние сделалось менее отчетливым. Теперь оно не заливало все режущим глаза ярким светом, а нежно серебрило снежные барханы. На холоде разговаривать трудно, поэтому всю дорогу мы молчали. Меня не покидало тревожное чувство и подозрение, что Шатров задумал что-то недоброе.

– Почти пришли, – он поднял руку, указывая направление.

– Кладбище? – удивился я.

– Оно самое.

Среди простых могил выделялся высокий черно-зеленый монумент, выполненный из цельной диабазовой глыбы. На нем было высечено имя, год рождения и год смерти владельца – тысяча девятьсот пятидесятый, и никаких памятных надписей, которые так любят делать родственники толстосумов.

Дневник завершался тем же годом, вспомнил я.

– Бизнесмен местный, – поведал Шатров, заметив мой интерес, – думал, придет сюда, заживет. Одним из последних умер. Завещал напоследок каменотесу себе такую вот могилку оборудовать. А по мне, не все ли равно после смерти.

– Промтовары продавал, продукты, одежду, – пробормотал я.

– Не знаю я, что он там продавал, но сделал для острова немало. Если бы не он, все бы раньше отсюда разбежались.

– Что значит «одним из последних»?! – спохватился я. – А другие разве не уехали?

Геолог покачал головой.

– Все здесь лежат. Мы последних застали. Правда, многим уже совсем плохо было.

– Эпидемия?

– Что-то вроде того...

– Послушай, Антон, прекрати говорить загадками. Ты можешь, наконец, сказать прямо – что здесь происходит?

– Сейчас сам увидишь.

Шатров направился вдоль кладбища, скрылся в полуразвалившемся сарае. И вскоре появился оттуда, держа в руках коловорот и лопату. Разгреб снег, обнажил мерзлую землю. Взялся за коловорот и несколько раз провернул, вгоняя в грунт. Извлек инструмент и сделал приглашающий жест – смотри. Я склонился над лункой. И тут же дыхание перехватило от волнения. Увиденное напоминало волшебство. Отверстие стремительно заполнялось густой смолянистой жидкостью, распространяющий все тот же специфический запах. Нефть залегала у самой поверхности, значит месторождение не просто пригодно для добычи – оно буквально насыщено драгоценной жидкостью. Недра стремятся избавиться от нее, отдать ее людям.

– Удивительно. Столько лет поисков, и здесь, на острове Диксона...

В то же мгновение меня поразила простая и страшная мысль. Если преступник решил показать мне нефть, значит, он уверен, что я об этом никому не расскажу. Или он хочет взять меня в долю, или не собирается отпускать живым.

Я схватился за рукоять ножа и резко развернулся.

– Брось валять дурака, – проворчал Шатров. – Я отлично знаю, что у тебя на уме. Думаешь, я нашел нефть и собираюсь загнать месторождение китайцам, так?

– Не собираешься?

– Конечно, нет. Все куда сложнее. Знаешь, что такое нефть? – хмуро поинтересовался он и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Условно говоря, это горючий материал биогенного происхождения. Тебе слово «биогенный» о чем-нибудь говорит? Говорит, конечно. Ты же ученый.

– Биогенные макроэлементы или макронутриенты – углерод, водород, азот, кислород, фосфор и сера, – отчеканил я.

– Замечательно. В твоих познаниях я не сомневался. И конечно же, ты в курсе, что из макронутриентов построены такие органические вещества, как белки, жиры, углеводы, ферменты, витамины, гормоны. То есть все то, из чего состоит человек.

– Не обязательно человек...

– В данном случае – обязательно, – отрезал Шатров. – Ты, конечно, знаешь, коллега, что до сих пор нам, я имею в виду наш научно-исследовательский Институт, так и не удалось выяснить, откуда взялась нефть. Так вот, – он выдержал паузу, – мы втроем, не без помощи Орловского, выяснили-таки, откуда берется нефть, и что самое забавное, мы узнали, как пополняются ее запасы в недрах...

– Ты меня разыгрываешь?

– Даже и не думал. Хочешь, покажу тебе мумию?

Предложение прозвучало настолько несуразно, что я растерялся.

– Что? – переспросил я.

– Тут в могилах сплошные мумии. Веришь ли, совершенно не портятся. Могут храниться тысячи лет. И все равно останутся точно такими, как в тот день, когда их похоронили.

Мне стало еще больше не по себе. Я понял, что беседую с безумцем.

– Давай вернемся на станцию, – предложил Шатров. – Там в тепле я расскажу подробнее о том, что нам удалось узнать. У нас здесь целая лаборатория по изучению нефти. Сколько работы проведено, ты не представляешь.

– Хорошо, – я решил во всем с ним соглашаться, пока не представится возможность его обездвигить и связать. Если прикинуть шансы, то они примерно равны. Конечно, Шатров шире меня в кости, тяжелее килограммов на тридцать, но на моей стороне фактор неожиданности и потом – я владею некоторыми приемами самообороны. Хотя у сумасшедших силы удесятятся. Поэтому я должен быть предельно осторожен и действовать наверняка.

Обратный путь мы проделали в той же зловещей тишине. Шатров брел впереди, придавленный грузом каких-то своих безумных мыслей. Только один раз он оживился, когда на льду замаячил силуэт медведя. Геолог замахал руками, закричал, но, к его огорчению и моей радости, зверь не решился приближаться и скрылся.

– Это он тебя боится, – сказал Шатров. – Ничего, вечером на базу придет. Он вечером всегда за рыбой приходит.

Я не стал убеждать геолога, что его общение с полярным хищником может быть опасным. От соседства медведя я, конечно, чувствовал себя неуютно. Но куда больший страх мне внушал этот психопат. Сумасшедшие непредсказуемы. Неизвестно, что он выкинет в ближайшее время. Вдруг ему покажется, что я не верю в его безумные теории и он вознамерится сотворить со мной то же, что сотворил с Орловским?.. Подобные типы обычно очень ревностно отстаивают свои взгляды.

– Ты знал, что в метеоритах находили элементы битумных соединений? – продолжил развивать свою безумную мысль Шатров, когда мы вернулись на базу.

– Разумеется.

– Метеорит упал там, неподалеку от поселка. Совсем крохотное небесное тело. Оно почти полностью выгорело, проходя через атмосферу. Не больше футбольного мяча. Но для Диксона его появление стало целым событием. Местные жители извлекли метеорит из кратера и растащили на сувениры. Камешек-талисман в каждый дом. Многие везде таскали кусочки метеорита с собой. На самом деле, он совсем не приносил удачи. Никакой удачи. Только смерть.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Это соединение – что-то вроде вируса. Заражает любую органику. Сначала возникает вирус, проникает в иммунную систему, затем развиваются споры, и происходит видоизменение организма на физиологическом уровне. Человек постепенно превращается в живую машину по выработке нефти. Забавно, не правда ли? Мы столько времени искали, как можно синтезировать нефть. А здесь она синтезируется естественным образом, нужно только подцепить эту заразу. Когда вирус войдет в активную стадию, нефть начинает сочиться

отовсюду – она выходит с мочой, с кровью, через слезные и слюнные железы, через поры кожи. Человек живет еще месяца три в ужасных мучениях, а из него все изливается и изливается бесконечный поток нефти. Но самое страшное не это. Даже когда он лишается сознания и впадает в кому, нефть продолжает течь. И когда он умирает, его организм продолжает исторгать нефть – причем, все больше и больше. Я пришел к выводу, что нефть – это горючий материал вирусной природы и биогенетического происхождения. И это далеко не все. Поначалу мы полагали, что болезнь поражает только живые организмы. Но оказалось, она может трансформировать и мертвые. Я лично проводил эксперименты.

Он замолчал.

– Можно? – я указал на початую бутылку самогона.

– Конечно, – Шатров нацедил мне половину стакана. И я залпом его осушил.

– А как... как можно заразиться?

– Через прикосновение. К больному. Или к самой нефти... Я видел твою правую ладонь, – обронил он, словно невзначай. – Это означает, что ты остаешься здесь.

– Как это?.. – опешил я. Подобное развитие событий никак не входило в мои планы.

– Я много думал, – сказал Шатров, – и пришел к определенным выводам. Эта штука пожирает органическую жизнь, превращает ее в некую жидкость, насыщенную энергией. Энергией всего живого. Уничтожает цивилизацию на планете. Ее залежи потом питают Землю, подобно крови, питающей человека кислородом. А потом на смену умершим приходят другие – имеющие иммунитет к этой разновидности планетарной крови. Но из космоса снова прилетает метеорит, несущий вирус. И тогда наступает конец этой цивилизации и начало следующей.

– Даже так? – поинтересовался я угрюмо. – Катастрофа всепланетного масштаба?

– Именно так. Все обстоит именно так, – геолог налил себе самогона и медленно выпил. – Детей жалко, – сказал он. – Мы-то с тобой прожили уже... Тебе сколько?

– Сорок четыре.

– Мне сорок.

Помолчали.

– Я хочу отдохнуть, – проговорил я тихо. – Почти сутки не спал, знаешь ли. И потом, мне нужно все обдумать...

– Конечно, я тебя понимаю, – Шатров поднялся, похлопал меня по плечу. – Когда такая информация обрушивается разом, сразу все переварить нельзя. Поспи, подумай. Потом поговорим, покажу тебе лабораторию. А я пойду, накормлю Сермягина, он пока еще ест, и потом тоже немного отдохну. Что-то я устал...

Я выждал час, оделся, аккуратно открыл дверь и вышел в коридор. Включать свет я не решился, подсвечивал себе путь фонариком. Рюкзак висел на спине. Ружье я держал в левой руке. Охотничий нож оставил за поясом. На всякий случай. Подышать на заброшенной гидрографической станции я совсем не собирался.

Комнату, где стоял трансивер, я нашел без проблем. Повернул тумблер, и радиостанция ожила. Покрутил колесико.

– Прием, прием...

Никто не ответил. В эфире царила тишина. Еще бы – я не знал нужную частоту. По счастью, идиот Шатров или кто-то другой отчеркнул одно из делений красным маркером. Вскоре я услышал сонный голос пилота.

– Диксон... материк на связи. – Зевок. – Прием.

Сердце забило учащенно – путь к спасению близок. Прижав кнопку большим пальцем, я быстро заговорил:

– Это я. Виталий Курганов. Мне срочно нужно на материк.

– Вы же только сегодня оттуда...

– Это срочно. Здесь чрезвычайная ситуация.

– Ну-у, не знаю...

– Я заплачу.

Аргумент ожидаемо подействовал.

– Хорошо. На дороге от аэропорта, примерно в том же месте, где я вас высадил. Наверх посветите фонарем. Так я вас быстрее найду.

– Годится, – сказал я, – скоро буду там. Вылетайте прямо сейчас.

Я вышел в коридор и, пробираясь наощупь, направился к выходу. Экономил батарею фонаря – не хватало только, чтобы она закончилась в самый нужный момент. Миновал коридор, прошел через холл-камбуз, где сильно пахло рыбой – на веревках, натянутых под самой кровлей, сушился омуль.

Я надел капюшон, затащил его под горлом и, вминая крагами снег, двинулся по своим следам, ведущим из поселка к дороге.

– Куда-то собрался? – услышал я, и сразу следом – сухое шелканье курков. Повернулся. Шатров стоял, держа наперевес двустволку. – Не заставляй меня убивать тебя, – сказал он. – Честное слово, я к тебе с симпатией отношусь. Но угробить всех не позволю.

– Ты не понимаешь. Там, на материке, есть условия для изучения этого феномена. Нам вовсе не обязательно умирать. Мы найдем противоядие.

– Это ты не понимаешь. Противоядия нет. Это конец нашей цивилизации.

– Но зачем умирать? Если все так, как ты говоришь, человечество неминуемо погибнет. Кто-нибудь рано или поздно доберется до острова Диксона, обнаружит здесь нефть и отвезет образцы на материк...

– Только не я, – упрямец тряхнул головой. – И не ты. Я тебе не позволю. Если мы можем отсрочить час гибели всего живого на Земле, я готов это сделать, пусть даже я оттяну время на год или полтора. А теперь медленно сними ружье с плеча и положи на землю. Повторяю, медленно, чтобы я видел каждое твое движение.

– Ты – псих, – сказал я. – У тебя даже нет веских доказательств твоей теории.

– Ты видел Орловского. Какие тебе еще нужны доказательства?

– Да пошел ты! – сказал я. – Я умирать не собираюсь. – Снял карабин с плеча и навел на Шатрова. Я снова действовал интуитивно, и не ошибся. Геолог не был убийцей, в нужный момент выстрелить он не смог.

– Проклятье, Виталий, ну, будь же благоразумен. Не ради нас, ради детей...

– У меня нет детей.

– Пойми, ты заражен, тебе нельзя на материк.

– А я в это не верю.

– Мне придется это сделать...

– Давай.

Прозвучало, как команда. Выстрелы двустволки и карабина слились воедино. Только я, спустив курок, нырнул влево, уходя от пули, а он остался стоять на месте. Два куса металла впились ему в грудь. Один пробил сердце, другой – правое легкое. Шатров упал на спину. Он еще некоторое время жил, беспомощно шаря вокруг себя, словно что-то искал. Из рта выплескивалась красноватая с зеленым отливом жижка – и не кровь, и не нефть, нечто среднее...

Я поднялся, торопливо подбежал к геологу, отбросил мыском краги винтовку. Хотя эта мера предосторожности явно была лишней. С первого взгляда было понятно – не жилец.

Взгляд Шатрова стал медленно угасать, постепенно превращаясь из ясного в мутный и бессмысленный. Человек ушел, оставив на Земле только свою оболочку.

Я закинул СКС на плечо и почти побежал к дороге...

Уже слышался шум винтов вертолета, когда он неожиданно объявился. Его появление выдавал хруст снега – в островной тишине Диксона он звучал, как топот множества ног.

Я обернулся и попятился, сдернул с плеча карабин.

– Как там тебя... Вовка... Стой.

Медведь издал едва слышное ворчание. Он приближался медленно. Выступал из мрака,

как растущий за бортом судна гигантский айсберг. Я представил, как мы выглядим со стороны – крохотный человек с карабином и огромный хищник – гора сала и мышц, способный растерзать любого полюсного обитателя.

Шатров, может, и мнил себя дрессировщиком этих животных, но я-то знал, что если белый медведь голоден, его не остановит никакая сердечная привязанность. Намерения зверя были очевидны – он собирался меня сожрать.

Вскинув карабин, я спустил курок. Грохнул выстрел, и еще один следом, приклад ударил в плечо. Раненый медведь с диким ревом ринулся вперед.

Последнее, что я увидел, оскаленная звериная пасть, с клочьями коричневой пены, и крохотные злые глазки, все в следах нефтяных потеков.